

П. А. БАЁВ

БАЁВ Павел Анатольевич - кандидат социологических наук, доцент кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук Иркутского государственного университета (E-mail: pbyov@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются характер, направленность и динамика трансформации таких категорий как "церковь" и "священники". Анализ проведен с помощью контент-анализа (транссимволического анализа) текстов, опубликованных в газете "Аргументы и факты" за период с 1984 по 2008 гг.

Ключевые слова: религия * церковь * секта * культ * священник * религиозные движения

Новое тысячелетие ознаменовалось триумфальным религиозным реваншем, ареной которого стала и Россия. В 1990-е годы массовое увлечение религией достигло

Статья написана по материалам проекта "Социальное изменение как трансформация символических форм", поддержанного АВЦП Рособразования "Развитие научного потенциала высшей школы (2009 - 2010 годы)". Грант N 2.1.371260. Исследование проводилось на базе Иркутского государственного университета в период с марта по август 2009 г.

высот, напоминающих пандемию. Если в конце 1980-х гг. не более одной пятой части населения страны определялись понятием "верующие" (18,6% по данным ВЦИОМ, 1988 г.), то в начале XXI века, по оценкам социологов, российское общество становится более религиозным (55,2% - данные ВЦИОМ, ноябрь 2000 г., 64% - ФОМ, август 2000 г.). Аналогичная картина наблюдается и сегодня, когда только к приверженцам православия причисляют себя 73% населения страны (ВЦИОМ, декабрь 2009 г.).

Итак, в конце 80-х - начале 90-х гг. прошлого века в России произошел мощный резонанс в духовной сфере, который явился отражением радикальных перемен, переживаемых нашей страной. По принципу "идейного маятника" в мировоззрении людей совершается движение от атеизма и неверия к "прорелигиозному" консенсусу и постепенной элиминации атеистического мировоззрения.

То, что религия как на уровне частной и общественной жизни, так и на уровне национальных государств и межнациональных отношений стала восстанавливать свою значимость во многих регионах современного мира, доказал американский ученый С. Хантингтон. В частности, он утверждает, что "Большая часть земного шара ныне отвергает секуляризм, двадцать первое столетие обещает стать веком религиозности. Западные светские государственные модели отрицаются как нежизнеспособные". В то же время в России, пишет ученый, - "ленинское светское атеистическое государство сменилось современным российским, которое позиционирует православие как ключевой элемент русской духовности и культуры" [Хантингтон, 2008, с. 555 - 556].

Метаморфоза религиозной детерминации сознания граждан, прежде всего, произошла на знаково-символическом уровне и активно проявляется в символических системах социального дискурса. Ведь любые социокультурные процессы, включая и религиозный ренессанс, имеют специфическое знаковое оформление, посредством которого конструируются новые смыслы и производятся иные социальные действия.

В первую очередь изменялись такие наиболее частотно воспроизводимые в общественном дискурсе социальные категории как "церковь" (община) и "священник" (служитель культа). Являясь, по сути, функционально-детерминированными социальными смыслами института религии, эти категории "оживали" всякий раз, как только подвергались трансформации существующие социокультурные паттерны. Таким образом, их собственное *социальное время* набирало обороты с того момента, когда был подписан "смертный приговор" монополизированной советской культуре, построенной на принципах атеистического воспитания. "Железный занавес" был поднят, и на страну обрушился целый поток инородных культурных образцов, репрезентаций и инсценировок, приведших к культурному разрыву с прошлым и разломавших культурное ядро некогда мощной державы.

О трансформации религиозных феноменов и религиозности писалось достаточно много и обстоятельно. Среди недавних работ зарубежных ученых особого внимания, на наш взгляд, заслуживают труды таких исследователей, как Р. Робертсон и П. Бейер, посвященные процессу формирования "глобальной религиозной системы" и, в частности, возрастающей активности как традиционных, так и новых религиозных институтов в условиях глобализации [Roberston, 1994]. Объектом внимания ученых становились процессы, имеющие религиозно-политическую направленность в масштабах страны или континента и предполагающие активное участие большинства населения в религиозной жизни, с одной стороны, и вмешательство религиозных движений в решение социально-экономических и политических проблем, - с другой [Religion., 2007]. Вместе с тем, политические и экономические детерминанты не мешают исследователям рассматривать религиозные движения в качестве "культурного ресурса". М. Джоффрой, например, вывел типологию движений в эпоху глобализации, которые он отнес к четырем переходным позициям: крайне непримиримые экстремистские религиозные группы и сети, умеренные консервативные и плюралистические движения и, наконец, группы и сообщества, разделяющие релятивистские убеждения, основанные на отрицании универсальных моральных норм, религиозных традиций или религиозных убеждений [Geoffroy, 2004].

В России с начала 1990-х годов возобновились исследования динамики массовой религиозности, возрождения религиозных институтов и процессов межинституциональной интеграции светской и религиозной культур, поскольку посткоммунистическое пространство, возникнув совершенно неожиданно, предстало для исследователей в виде своеобразной "научной целины". На теоретическом уровне были пересмотрены концептуальные, операциональные и организационно-технические стороны при-

кладного изучения религии из-за того, что провозглашенный властью тех лет плюрализм подрывал основы исследовательской парадигмы, построенной на атеистических представлениях. Разнообразие концепций и исследовательских проектов, проводимых как на всероссийском, так и на региональном и местном уровнях, приводили к разночтению, хотя общие динамические тенденции совпадали¹.

В российской социологии изучались различные стороны религиозной практики: от замеров степени массовой религиозности [см. напр. 6] до анализа религиозной институционализации и интеграции [см. напр. 3]. Большинство исследователей уделялось внимание, главным образом, "формально-количественным" признакам веры, включая конфессиональную ангажированность, культовую практику, выполнение религиозных норм и предписаний. Современных ученых интересует глубина и устойчивость этих явлений: на особом счету исследования, связанные с государственным заказом, с социальной политикой в области свободы совести и вероисповедания. Изучаются острые проблемы религиозно-общественной жизни современной России, уделяется внимание влиянию религиозности на социальное поведение людей, проблеме секуляризации и "религиозного возрождения", отношению к *нетрадиционным* конфессиям и т.п.² В сегодняшних российских реалиях, по мнению Д. Фурмана, "потребности массового сознания и доминирующие идеологические течения приводят к быстрому установлению в обществе "проправославного консенсуса" [Фурман, 2010].

Дискурсивный подход отражен в работе отечественных авторов - С. Филатова и Р. Лункина, осуществивших анализ журналистских материалов российских масс-медиа, создающих, по их убеждению, стереотипы массовых образов самых крупных российских конфессий - православия (в основном в позитивном ключе) и протестантизма (в негативном) [Филатов, 2006]. В другом исследовании медийного дискурса относительно религиозной сферы выяснялось, какие стороны религиозной практики попадали под внимание журналистов или оставались в тени [Церковь..., 2007].

Мы, в свою очередь, попытались определить периоды колебания религиозного маятника и дать оценку его последствиям в границах последних десятилетий советского и постсоветского пространства России. "Латентный идеологический уровень развернутого дискурса" (Р. Барт) всегда предполагает наличие мировоззренческих доминант, которые представлены в масс-медиа и имеют откровенную претензию на создание таких образов действительности, которые бы совпадали с ценностными ожиданиями "целевой аудитории" - актуальных и потенциальных носителей религиозного сознания. Для изучения процесса его трансформации нами был использован трансимволический анализ (ТСА)³.

стр. 120

---

¹ Исследовательскими центрами проводились также локальные исследования трансформации религиозных феноменов в Москве, Санкт-Петербурге, Пермской и Ярославской областях, а также во многих других городах, округах и регионах Российской Федерации. Имеются "автономные" исследования, представленные в научных статьях и диссертационных работах. Например, отдельные авторы, изучая трансформационные процессы конфессионального пространства, подвергали анализу природу секуляризационных и инновационных процессов, происходящих в регионах страны, а также исследовали специфику религиозности периферийных территорий России [см.: 5].

² См., например: данные социологических исследований Института социологии РАН, социологических служб ВЦИОМ (<http://www.wciom.ru>) и Фонда "Общественное мнение" (<http://bd.fom.ru>); Религия и демократия: На пути к свободе совести. М., 1993. Вып. 2; Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России / Отв. ред. и сост. СБ. Филатов. М.; СПб., 2002; Старые церкви, новые верующие. Религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. К. Каарийнена и Д. Фурмана. М., СПб., 2000 и др.

³ Контент-анализ содержания СМИ с использованием методики ТСА предполагает изучение трансформации "неосязаемого" социального дискурса посредством выделения следующих качественно-количественных компонентов (направлений анализа): частоты упоминания, объема внимания (производное строк и знаков материала, посвященного той или иной категории), суммарного рейтинга категории, оценочного контекста, доминирующей символической триады. Положительная оценка формируется за счет информации позитивного, нейтрального и проблематично-сочувствующего характера, в то время как отрицательная - за счет информации негативного и проблематично-осуждающего характера. Доминирующая символическая триада стратифицируется на следующие принципиальные символы, обусловленные главными частями речи: *когнитивный* (К-символ, характерное частотное существительное, присваиваемое объекту); *аффективный* (А-символ, характерное частотное имя прилагательное), возникающий в процессе вторичной сигнификации, обозначающий признак предмета, как морфологического, так и содержательного порядка; деятельностный (Д-символ, характерный частотный глагол), обозначающий действие или состояние предмета, отражающий связи и взаимодействия, в которые вступают между собой предметы, процессы и явления. Частотным считается символ, повторяющийся в соотношении не менее чем 3 к 1 по отношению к другим символам объекта на протяжении обследованного периода. Более подробно об эмпирической применимости символа см. [Кармадонов, 2004, с. 122 - 233].

Референтной точкой анализа (то есть последней точкой стабильности социальной системы) выбран 1984 г. - последний год до начала масштабных реформ в России. В качестве источниковой базы исследования была использована самая популярная и массовая в СССР и России газета "Аргументы и факты". Перед нами стояла задача исследовать характер, направленность и динамику трансформации религиозных отношений за 25 лет. Общий массив проанализированных номеров газеты составил 1298.

Итак, первая категория - "Церковь" (также "деноминация", "культ", "секта"). Согласно церковно-сектантской типологии М. Вебера - Э. Трельча, различные религиозные общности выстраиваются по признакам институционального развития организационных форм: от слабоинституциональной (культ) до институционализированной (церковь) с включением промежуточных позиций (секты и деноминации). Общеизвестно, что понятия "культ" и "секта" (как на уровне межличностных, межгрупповых коммуникаций, так и на уровне государственной политики) часто содержат негативный эмоционально окрашенный смысл. Однако данные категории анализа могут быть использованы в *символических триадах*, где, собственно, и требуется выявить оценочный контекст в отношении религиозных организаций.

Вторая категория - "Священники" - представляет собой духовных лиц, служителей религиозного культа. Можно встретить различные определения, например: священнослужитель (на языке политкорректности), духовенство, батюшка или отец (неофициальное обращение в русском православии), отец (духовник или духовный отец, в православии), поп (чаще в негативном смысле), старейшина (в протестантизме), шаман (в шаманизме) и т.д. Существуют также различные духовные звания в буддизме, исламе, христианстве (у католиков, православных, протестантов) - митрополит, игумен, прелат, имам, лама, геген и т.д. Итак, каким же образом трансформировались в общественном дискурсе СССР/России данные категории?

Церковь

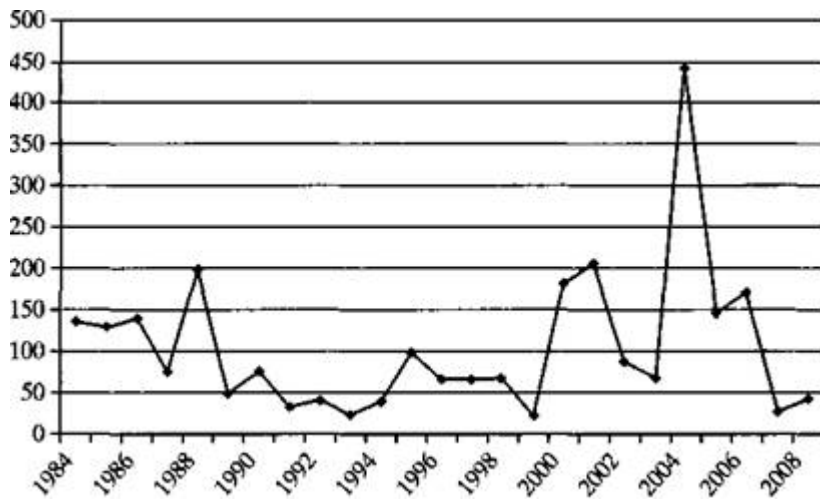
В процессе анализа материалов "АиФ" было подтверждено, что самым большим количеством упоминаний отличается крупнейшая в нашей стране конфессия - православие и, соответственно, самая многочисленная (по количеству адептов) религиозная организация - Русская православная церковь Московской Патриархии. По количеству материалов, представляющих критику и отрицательную оценку, доминируют новые религиозные движения (НРД). Им нет равных среди тех конфессий и религиозных объединений, которые подвергались критике на протяжении всего периода времени, начиная с 1984 г. Даже "западный католицизм" и "радикальный ваххабизм" суммарно по количеству "негативных историй" не превышают норм, обусловленных интересом к крупным историческим событиям (чеченские военные кампании и их последствия, "новый православный антипапизм").

Обострение в 1984 г. отношений между СССР и капиталистическим Западом дает церкви достаточно высокий рейтинг упоминаемости (хотя и почти наполовину (45%) в негативном, проблемно-осуждающем смысловом контексте), который держится еще несколько лет: "РКЦ (на Западе)⁴ - безнравственная - разжигает" (1985); "СЦЕХБ"⁵ - антиобщественный - подстрекает" (1986); "культы - изуверские - подрывают" (1987). "Западная" церковь характеризуется в качестве "конфликтующей" стороны, занимаю-

---

⁴ Римско-католическая церковь, в данном случае имеется в виду представители РКЦ западных капиталистических стран.

⁵ Совет Церквей Евангельских Христиан-Баптистов, отделившийся в начале 1960-х годов от ВСЕХБ (Всесоюзного Совета Евангельских Христиан-Баптистов). В СССР разделение советских баптистов на СЦЕХБ и ВСЕХБ произошло по причине того, что "инициативники", вошедшие в Совет Церквей, не желали подчиняться новым указаниям "хрущевского" правительства, в частности регистрировать, пресвитеров и все крещения, крестить после 30-ти лет и не обучать детей религии.

Рис 1. Частота упоминаний категории "Церковь" с 1984 - 2008 гг. Суммарные показатели: $F_m = 2601$; $V_a = 1060476^6$.

щейся различной "подрывной" деятельностью, провокациями при помощи манипуляции общественным сознанием. По-другому в медийном дискурсе поздней советской эпохи оценивается деятельность русской церкви. Если "западная церковь" (в лице СЦЕХБ и РКЦ) вступает в различные политические интриги (международного уровня, прежде всего, в отношении СССР), то "наша" церковь (речь идет о ВСЕХБ) проявляет патриотизм и силу духа: "ЕХБ" - "неподкупная" (Советом Церквей ЕХБ) - "помогает" (советской власти "разоблачать политических интриганов").

Всплеск внимания к "церкви" в 1988 г. говорит сам за себя (первая мощная волна со знаком плюс на 80%): "РПЦ - влиятельная - празднует"; "общины - церковные - создаются"; "центры - религиозные - обучают". Русская православная церковь празднует юбилейную дату (1000-летие крещения Руси), создается благоприятная почва для создания новых церковных общин и открытия дидактических религиозных центров. 1990 г. характеризуется использованием религии в выборных программах; здесь появляется доминирующая триада: "партия - православная - завоевывает".

С незначительными колебаниями в сторону увеличения (в 1995 г.) на протяжении восьми последующих лет (1992 - 1999 гг.) наблюдается умеренное присутствие анализируемого объекта в печатных СМИ. Но во время этой относительной "умеренности" в фокус медийного дискурса попадает церковно-сектантская проблематика. Активный прозелитизм НРД вызывает у отечественного "потребителя" идиосинкразию на представителей различных культов и сект и, в некоторых случаях, даже психологическую "зависимость", получающие в газете соответствующее отражение. Наиболее характерны триады этих лет: "секты (культы) - иностранные (тоталитарные, деструктивные) - пропагандируют (зомбируют)", "храмы - православные - возрождаются".

В 2000-е гг. в России обостряются конфликты с фундаментально-мусульманским и католическим мирами. Именно за счет этого негативный рейтинг *церкви* стремительно растет (вторая мощная волна со знаком минус). За период с 2000 по 2002 гг. появляются следующие доминирующие триады: "РКЦ (о Западе) - агрессивная - выступает", "ваххабиты - тоталитарные - попирают (основы Ислама)", "РПЦ - консервативная (раздраженная) - враждует (с РКЦ)".

После небольшого затишья на страницах "АиФ" актуализируются темы "соборности", "православия", "паломничества" и "монастырской жизни". Полным ходом идет

⁶ При данной квантификации использовался прямой (или сплошной) подсчет категории анализа, т.е. количества упоминаний или частоты (F_m) появлений объекта на страницах газеты "Аргументы и факты" независимо от тематики, жанра и объема печатного материала. Объем упоминаний категории или "объем внимания" (V_a), уделяемого объекту вычислялся как произведение количества строк и числа символов конкретной публикации.

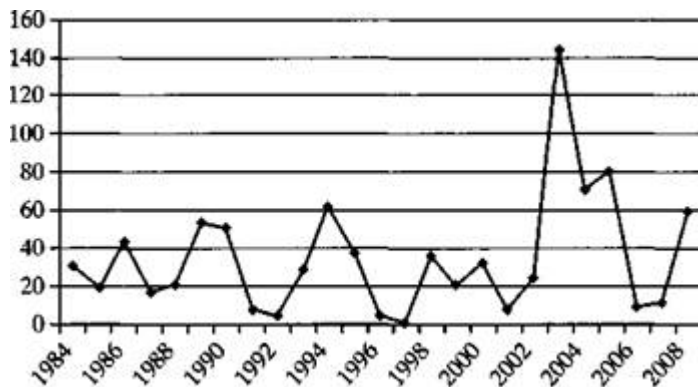
возрождение церквей, строительство храмов, реставрация церковной утвари и проч. Открываются монастыри, в том числе для паломников и туристов. Гигантская волна сюжетов, освещающих различные стороны церковной практики, приходится на 2004 г. (третья мощная волна со знаком плюс). Примечательно, что здесь в описании нетрадиционных церквей уже применяется термин "запрещенные". Именно в этот период российские власти используют в отношении "нетрадиционных" религиозных общин силовые методы воздействия⁷.

Итак, с 1984 по 1990 гг. тема религии становится более открытой и доступной. Новый качественный переход можно определить концом 1991 и началом 1992 гг., поскольку здесь произошли переломные события для нашей страны (конец перестройки и прекращение существования СССР). Эти события оказали трансформационное влияние на мировоззренческие позиции людей. Они ищут опору, чаще обращаются к церкви, вступают в различные религиозные организации. С другой стороны, после распада СССР в стране началось "смутное время", поэтому в медийном дискурсе тема церкви отходит на второй план. Начинается активное распространение НРД, "окрещенных" прессой "деструктивными культурами и тоталитарными сектами". Посещение церкви, совершение религиозных обрядов превращается в модное явление. Продолжается активное возрождение Русской православной церкви, однако активны и другие конфессии. С 1990 г. про церковь уже говорят не только священники, но и предприниматели, известные актёры, режиссеры и просто люди, присылающие отзывы в редакцию "АиФ". "Обратная связь" - весьма примечательный раздел данной газеты, позволяющий проследить динамику общественного мнения по вопросам религиозного возрождения. Так, с начала и почти до середины 1990-х гг. обрели популярность письма, где читатели спрашивают про церковные праздники, интересуются практикой поста и других обычаев. Встречаются и гневные письма, в основном по "сектантской" тематике. Появляются "экспертные" консультации по поводу того, как уберечься от "тлетворного" влияния сект. В 2000-е гг. мы наблюдаем целый ряд спадов и подъемов в рейтинге упоминаемости категории "церковь" (2000 - 2002 и 2004 - 2005 гг.). Церковь активно входит в жизнь общества. Люди начинают отмечать религиозные праздники. Переломный 2002 г. характеризуется тем, что Церковь окончательно "уверовала в свои силы". С ее позицией считаются политики и государственные деятели, "общаются" с ней на самые различные социальные темы, "спрашивают" ее мнения.

Таким образом, категория "церковь" за 25 лет претерпевает следующие характерные изменения в медийном дискурсе. В 1980-е гг. происходит формирование смыслов, функциональной необходимости церкви как социального института. "Перестройка" ознаменовала новый период в легализации церковной жизни: тема религии становится все более открытой, церковь вступает в активный диалог с обществом. На излете холодной войны сохраняется критическое отношение к западным церквям (РКЦ, СЦЕХБ), которые "пытаются подкупить", по мнению авторов печатных материалов, советский народ и распространить антикоммунистические настроения. К концу 1980-х постепенно меняется отношение общества к религии, появляются статьи с позитивным отношением к церкви как к важной составляющей процесса реформирования ("перестройки") советского общества. Церквям возвращаются утраченное имущество и храмы, власти больше не ограничивают церковь в проведении религиозных культов и обрядов. Этот процесс продолжается и в 1990-е гг. с той только разницей, что вызревают условия для интеграции в российское общество различных сегментов церкви: среди "традиционных" церковных образований лидирует Русская православная церковь. В то же время, церкви из числа "нетрадиционных" и новых религиозных движений к концу тысячелетия выходят на передний план по числу упоминаний, но уже в контексте негативного дискурса, что повлекло создание устойчивой социальной стигмы: "деструктивные культы" и "тоталитарные секты" - "процветают", "парализуют волю", "затуманивают разум", "заставляют страдать". Апогея категория "церковь" достигает в 2000-е годы, когда в лице РПЦ она становится в медийном дискурсе "неотъемлемой частью" общественной жизни России: "поддерживается государством",

---

⁷ Напомним, что в 2002 г. на территории Российской Федерации начал действовать Федеральный закон "О противодействии экстремистской деятельности" от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ, который является основополагающим нормативно-правовым актом в формирующейся государственной политике активного противодействия экстремизму во всех его формах (см.: <http://base.garant.ru/12127578/#17>).

Рис. 2. Частота упоминаний категории "священники" за период с 1984 по 2008 гг. Суммарные показатели: $F_m = 886$; $V_a = 644055$.

"демократизируется", "исцеляет от болезней", "осуждает (верующих) за (их) грехи", "возвращает недвижимость" и "занимается бизнесом". В то же время, "секта" представляет собой "обитель для безвольных", а деятельность "деструктивных культов" считается "незаконной" и "осуждается" в обществе.

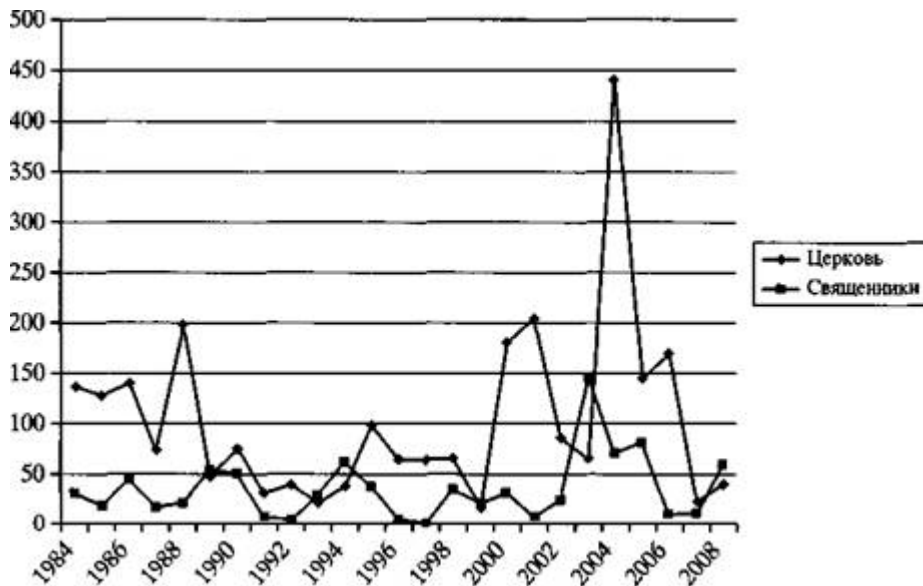
Итак, на страницах газеты "Аргументы и факты" церковь как социальное явление за 25 лет трансформации приобрела вполне зримые институциональные признаки: символика (распятие, полумесяц и проч.), культовые постройки и сооружения (храмы, часовни, мечети, синагоги), формальные кодексы поведения (принципы праведной жизни, понятие греха), идеология (основополагающие идеи). В то же время как институциональное образование она, на наш взгляд, находится в поиске пути восстановления национально-духовной целостности, поскольку акцентирует внимание на проблемах веротерпимости и взаимодействия в межконфессиональном сообществе.

Священники

В середине 1980-х гг. в "АиФ" деятельность священнослужителей оценивается преимущественно негативно. Данная тенденция обусловлена преобладанием публикаций, в которых освещались религиозные отношения в других странах (в основном капиталистических): "экстремисты - религиозные - пропагандируют", "Папа (Римский) - встревоженный - боится", "предатели в рясах - политические - противостоят" и т.д. На пике холодной войны эта реакция прессы была достаточно очевидной и предсказуемой. Был приказ "бить врага" со всех фронтов. Религия, соответственно, тоже попала в эпицентр пристального внимания советских политиков и пропагандистов. Ведь написать "плохое" в адрес западного священника, значит косвенным образом высказать отношение к этой группе людей. Влияние Запада на количество и содержание публикаций о религии в данном информационном источнике продолжалось до 1988 г., когда отношение к священнослужителям начинает постепенно меняться. Служители культа становятся "образованными", "достойными" и "преданными". Они "возмущаются" и "осуждают" социальные пороки, даже "просвещают" собственный народ. Критика священнослужителей становится более редким явлением.

К середине 1990-х гг. "священники" трансформируются в медийном дискурсе в духовных "экспертов", консультантов и наставников для людей, испытывающих тягу к духовному воспитанию. Они (священники) "добродушные", "праведные" и "мудрые", "объясняют" природу вещей и "осуждают" человеческие пороки. В обширном диапазоне синонимов формализованное слово "священник" постепенно вытесняется следующими альтернативами: "батюшка", "владыко", "отец".

Если во второй половине 1990-х гг. служители культа были представлены в качестве профессиональной группы, одаренной особыми качествами, имеющей структурные образования, специфическую практику и традиции, то уже в 2000-е годы они идентифицируются с "элитной" группой, обладающей особой (не только духовной, но и социально-политической) властью. Священники являются участниками многих обще-

Рис. 3. Корреляция частот упоминания категорий "церковь" и "священники" за период с 1984 по 2008 гг.

ственно-политических и культурных событий нашей страны. Они свободно высказывают свое мнение (в том числе "мнение Церкви"), и к этому мнению прислушиваются не только рядовые российские граждане, но и представители власти.

С 2003 г. священник на страницах "АиФ" приобретает через К-символ транссимволической триады конфессиональные и профессионально-статусные признаки, преобладающие, в основном, среди православного духовенства: "патриарх", "митрополит", "протоиерей", "настоятель", "монах" и др. Вместе с тем, отмечен и рост упоминаемости священников - представителей и руководителей иных конфессий: "Папа Римский", "далай-лама", "муфтий". Последняя тенденция не связана, на наш взгляд, с возрастающим интересом к различным конфессиям и религиозным мировоззрениям. Скорее всего, это явление носит ситуативный характер: приезд в Россию известного религиозного деятеля, обострение политической ситуации (например, на Кавказе) и т.д.

С 2006 г. обнаруживается еще одна характерная тенденция, обусловленная социальными недугами (наркоманией, СПИДом, беспризорностью и детской преступностью). Священникам приписываются "терапевтические" характеристики: "духовный врач - нужные - разбираются (в болезнях)" (2006); "служители - инициативные -подают пример" (2006); "пастыри - строгие - предупреждают" (2007).

Некоторые специфические особенности обнаружены в 2007 г. С одной стороны, "добрые пастыри", "батюшки" и прочие - "живут", "молятся" и "прославляют" имя Бога. С другой, - они "предупреждают" паству об опасности "деструктивных культов" и "тоталитарных сект". О самих "сектантах-священниках" тоже говорят и пишут. Но достаточно мало и, соответственно, в проблемно-осуждающем контексте: "сектант - новоявленный - запрещает". Данные смыслы и настроения сохраняются в анализируемом масс-медиа на протяжении нескольких лет - с 2004 по 2008 гг.

Таким образом, священники 1980-х гг. - это в основном отстраненная от общества группа населения, ведущая свой "странный" и "закрытый" образ жизни. В 1990-е -это уже группа "компетентных" людей, проводящих церемонии. С 2003 и вплоть до 2008 гг. - группа "экспертов", обладающих почти безукоризненным опытом и компетенцией в вопросах религии и веры, их мнение вызывает интерес у большинства граждан. Не подвергаются критическому осмыслению откровенные нелепости, расходящиеся со здравым смыслом; они часто выступают в роли интервьюируемых и консультантов по различным социальным проблемам. С 2008 г. - это уже "духовная элита", способная задавать тон и влиять на мнение отдельных групп населения. И надо полагать, в дальнейшем отсутствие в масс-медиа критики в адрес священников и "лепка" из них

"фантастических фигур", которые "всё знают", "не грешат" и вообще "никогда ничего плохого не делают", может обернуться для религии проблемой злоупотребления священнослужителями пастырской властью. Таковы результаты трансформации категории "священники" в медийном дискурсе газеты "Аргументы и факты".

Церковь как новый идеологический механизм пришла на смену старому, светскому. А. Зиновьев, размышляя над метаморфозами в нашей стране, пишет о том, что "идеи христианства давно были бы забыты, если бы не церковь" и личности, объединенные под ее "идеологическим" началом [Зиновьев, 2008, с. 553]. Через церковь и ее "экспертно-терапевтическое ядро" - священнослужителей закономерным образом в общественном сознании закрепляются "нужные" идеи и ценности, влияющие на процессы социокультурной идентификации личности современного жителя России.

В заключение подчеркнем специфическую особенность духовной ситуации в сегодняшнем российском обществе. Объяснение причин всплеска интереса к церкви, священнослужителям и распространения влияния православной религии на российское общество следует, на наш взгляд, искать не столько в самом смысле массовой популяризации религиозных феноменов или в политике либерального плюрализма постсоветского правительства, сколько в проблеме взаимодействия Церкви (РПЦ) с государственной властью и социальными институтами, и в особенности с институтом образования. Активное влияние РПЦ на процесс политической и культурной трансформации российского общества выглядит странным, если учесть, что Россия сегодня представляет собой многонациональное и поликонфессиональное общество, светское государство, регулируемое на основе гражданских, а не религиозных норм. В теоретических посылах присутствуют и такие устремления Московского Патриархата как возрождение монархических идей, осуществление классической византийской формулы - симфонии властей (то есть соединения и "сорботничества" государственной и церковной власти) [Основы...]. Все эти неконституционные принципы церковно-государственных отношений пока всерьез не воспринимаются. Но имеются прецеденты, которые показывают, что картина в недалеком будущем может радикально поменяться. Например, оправдался расчет РПЦ на помощь и содействие государства при построении ее отношений с другими религиозными объединениями (православные священники, используя административные ресурсы муниципалитетов, читают публичные лекции по предмету "Сектоведение", проводят семинары, "круглые столы" и конференции, посвященные борьбе с деструктивными сектами и т.д.). В программу общеобразовательных школ ввели предмет "Основы мировых религий" (изучение "божьих законов"), а в вузах - специальность "Теология". При этом совершенно не ясно, почему столь титанические усилия Московского Патриархата и РПЦ, предпринятые с благородной целью формирования культурного и нравственно-духовного облика нашего народа, уже более двух десятилетий не могут увенчаться простым статистическим перевесом "добрых" сил над "злыми"? Почему, например, рост числа объявляющих себя верующими не способствует снижению уровня преступности в нашей стране? Имеющиеся на сегодня статистические данные также не подтверждают положительную корреляцию между религиозностью и нравственностью, религиозностью и высоким уровнем жизни [Paul, 2009]. Или, почему столь колоссальные интеграционные возможности Церкви не помогли государству за четверть века сформировать единую национальную идеологию? Видимо, они исчерпали себя на поприще решения конфликтов, в основе которых лежат не социальные и нравственные, а территориально-имущественные и церковно-канонические споры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баёв П. А. Взаимодействие христианских объединений и социальных институтов: На примере Прибайкальского региона: Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Иркутск, 2002; *Арзуманов И. А.* Трансформация конфессионального поля Забайкалья в свете религиозных инноваций (XX-XXI вв.): Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Чита, 2004; *Колякина Е. А.* Религиозность населения малых провинциальных городов России: социологический анализ: дис.... кандидата социологических наук: 22.00.04. М., 2008.

Geolfroy M. Theorizing Religion in the Global Age: A Typological Analysis // International Journal of Politics, Culture, and Society. Vol. 18. No. 1/2, Religion and Globalization (Fall - Winter, 2004), pp. 33 - 46.

Дубов И. Г. Уровень религиозности и влияние религиозных установок на отношение россиян к политическим лидерам // Полит. исслед. 2001. N 2. С. 78 - 92; Губницына О. Религия и современное общество потребления: введение в проблему // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. Спецвыпуск. С. 77 - 86; Муравьев А. Социальная альтернатива русского старообрядчества // Социальная реальность. 2007. N 10. С. 65 - 79; Забаев И. Основные категории хозяйственной этики современного русского православия // Социальная реальность. 2007. N 9. С. 5 - 26; N 10. С. 36 - 62; Коваль Т. Е. Православие в современной России. Экономические аспекты социального учения РПЦ // Мир России. 2008. N 1. С. 122 - 146; Лексин В. Н. "Другие": верующие и неверующие в повседневной жизни // Мир России. 2008. N1. С. 147 - 188.

Зиновьев А. А. Русская трагедия. М., 2008.

Кармадонов О. А. Социология символа М., 2004.

Кублицкая Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность. Опыт социологического изучения // Социол. исслед. 1990. N8. С. 2 - 5; Воронцова Л. М. Религия в современном массовом сознании, С. Б. Филатов, Д. Е. Фурман // Социол. исслед. 1995. N 11. С. 81 - 91; Каарийнен К. Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности) // Вопр. философ. 1997. N 6. С. 35 - 52; Щипков А. В. Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России: Курс лекций. СПб., 1998.

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата. Москва, 13 - 16 августа 2000 г. Режим доступа: URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422/thml> (15.10.2009).

Paul G. The chronic Dependence of Popular Religiosity upon Dysfunctional Psychosociological Conditions // Evolutionary Psychology. 2009. N 7(3). Pp. 398 - 441.

Religion, Globalization, and Culture (International Studies in Religion and Society). Edited by Peter Beyer and Lori Beaman. Brill, 2007, p. 600.

Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London, 1992; Beyer P. Religion and Globalization. London, 1994; Robertson R., Chirico J. Humanity, Globalization, and Worldwide Religious Resurgence, in Lechner F.J. and Boli J. (eds). The Globalization Reader. Oxford: Blackwell Publishing Company. 2003, pp. 93 - 98.

Фурман Д. Религиозность в России в 90-е годы XX - начале XXI века [Электронный ресурс] // Библиотека Якова Кротова [сайт]. URL: <http://www.krotov.info/history/21/2000/furman1.htm> (Дата обращения: 14.02.2010).

Филатов С. Образы Православия и Протестантизма в светских СМИ: благолепие и уродство; Под ред.: С. Б. Филатова [Электронный ресурс] // Русское Ревью Кестонского Института [сайт]. 2006. Февраль. URL: <http://www.keston.org.uk/russia.articles/feb2006/03images.html> (дата обращения: 12.12.2009).

Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М., 2008.

Церковь и СМИ: где источник противоречий? [Электронный ресурс] // Вода Живая: Санкт-Петербургский церковный вестник / Официальное издание Санкт-Петербургской епархии Русской Православной Церкви [сайт]. 2007. N 11. URL: <http://aquaviva.ru/archive/2007/11/305.html> (Дата обращения: 12.12.2009).